

Л. Арагон

Поэзия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Л11

Л11   **Л. Арагон**
Поэзия / Л. Арагон – М.: Книга по Требованию, 2021. – 256 с.

ISBN 978-5-458-25615-5

В настоящий сборник вошли избранные поэтические произведения (с начала 20-х годов до середины 70-х годов) Луи Арагона (1897–1982), крупнейшего французского поэта, прозаика, члена Гонкуровской академии.

ISBN 978-5-458-25615-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

щества. Эта бескомпромиссная ненависть к капиталистическому строю и была тем «психологическим» мостиком, который облегчил вступление поэта в новую фазу развития; причем и первому — сюрреалистическому — периоду, и началу следующего свойствен опасный нигилизм, когда вместе с буржуазными ценностями отбрасывались иногда и ценности общегуманистические. Но вместо сверхреальных, пришедших во сне откровений Арагон ждал теперь от поэтического слова активного участия в классовой борьбе.

«Долго этот бунт,— скажет впоследствии Арагон,— сохранял для меня анархическую форму, и долго старый дадаист умел только аплодировать жестам, словам, не понимая, где его настоящие союзники, те, с которыми мы должны соединиться».

Вступив в 1927 году в коммунистическую партию, побывав в Советском Союзе (первый приезд — 1930 г.), Арагон почувствовал, сколь далеки программы сюрреализма от тех — социальных и эстетических — программ, которым под силу преобразование мира. Вернувшись из СССР на родину, Арагон опубликовал в 1931 году сборник «Преследуемый преследователь», а вслед за ним цикл стихотворений в журнале «Коммюн», знаменовавших новую идеологическую ориентацию — «Февраль», «Полк на марше» и др. Париж, рвущий булыжники из мостовых, сгибающий, как тростинки, столбы фонарей, Париж, мстящий не только классу эксплуататоров, но и трехцветному знамени, и древним камням — круша церкви и монументы,— таков центральный образ поэм и стихотворений начала 30-х годов:

Что земля очень круглый шарик
все крысы почуют вмиг
когда мы их мир прожарим
чтоб в новом зажить без них
Рванет пролетарская масса
кострами их виллы паля
их дансинги с их траляля

(Перевод Г. Русакова)

За стихи, вошедшие в сборник 1931 года, Арагон был привлечен к суду: «подстрекательство армии к неповиновению, анархистская агитация и призыв к насилию» — значилось в официальном документе. Андре Бретон, возмущившись судебным делом, позицию Арагона тем не менее не поддержал. Казалось, он мог бы гордиться: стихи «сюрреалиста» признаны социально опасными, в них с прямоотой, грубоватостью, словно перенятой от сюрреалистских манифестов, благословляется день, когда будет взорвана Триумфальная арка, день вселенского разрушения. Но Бретон почувствовал, как сквозь левацкий нигилизм здесь пробивается чуждый сюрреалистам утверждающий пафос, взявший

исток, по словам Арагона, в «защите, прославлении советского народа, чей удивительный характер» открылся ему в дни путешествия по Советскому Союзу. «Советский Союз 1930 года являл собой картину волнующего народного энтузиазма, самоотверженного труда — и все это на фоне лишений и бед после трех лет гражданской войны при необходимости остерегаться вооруженной интервенции», — писал Арагон недавно, в 1975 году. Стремительность развития Страны Советов воплощена в образе рвущегося вперед красного экспресса, который хотели бы пустить под откос «пройдохи, недотепы, вышибалы, букмекеры, отставное старичье».

Пусть только посмеют патроны
задеть государство труда
У нас под рукою патроны
и наша рука тверда
Нацель-ка свой штык товарищ
Нацель на буржуев товарищ
Нацель-ка свой штык сюда

(Перевод Г. Русакова)

Бретон осудил Арагона за... «старомодность» и «возвращение к объективному сюжету», что, как ему казалось, «идет вразрез с историческим уроком, который можно извлечь из развития наиболее передовых поэтических форм».

На самом деле именно «объективный сюжет» — то есть внимание к объективной реальности — и должен был вывести Арагона на широкую дорогу, следуя которой он станет скоро «поэтом родины» (Морис Торез).

В процессе движения предстояло освободиться от «языка насилия», от грубой анархо-лексики, осознать, что она «вредна, не способна служить нашей партии». Такую оценку услышал Арагон в начале 30-х годов от Мориса Тореза и с благодарностью вспомнил о ней сорок лет спустя, готовя свое полное собрание поэтических произведений. Долго три цвета французского знамени казались революционному поэту только символом буржуазной демагогии; нужен был немалый опыт, прежде чем сложилась строка «Мне партия дала живую суть отчизны», прежде чем в «Марсельезе» услышаны были ноты, предвещавшие «Интернационал».

В 30-е годы Арагон, увлекшись созданием романического цикла «Реальный мир», стихов писал мало, но от одной публикации к другой нарастает то лирическое полноголосье, которое принесет Арагону славу в следующее десятилетие.

Книга «Ура, Ура!» (1934) уже иная по тону: славя радостный труд во имя социализма, автор дает волю музыкальной интонации, он действительно «воспевает» — не стесняясь мелодии песни — подвиги полунищей, едва заглушившей голод страны, которая умеет отказывать себе во всем ради грядущего дня, ради

коммунистического завтра на планете. «Ура, Урал!» — одно из тех произведений революционной зарубежной поэзии, в которых тема Советского Союза становится интернационально значимой. Поэтический образ родины социализма, обращающий взгляд к «рабочим грядущего дня», возникает и в стихотворении, озаглавленном «Сон в летнюю ночь». Подобно юной красавице просыпается Страна Советов, раскинув нежные руки-реки и сеть железнодорожных путей, обещая миру «чистоту правосудья».

В этом лирическом «портрете» угадывается уже сила Арагона лет Сопротивления, воспевшего гордую Францию, которую хотели унижить нацистские оккупанты. 1939 годом датированы стихи, открывающие следующий этап — этап творческой зрелости Арагона-поэта.

«Помню,— скажет позднее Арагон, — как в результате хладнокровного решения, какого-то безумного ужаса перед отчаянием и страстного желания не быть побежденным тьмой родилась мысль, заставившая меня в сентябре 1939 года написать первые стихи сборника «Нож в сердце». Мне кажется, что без них, в этот черный час, когда все, что я считал великим, прекрасным, добрым, чистым, было повергнуто в ужасающий навоз лжи, где испытывало силы все враждебное истине... мне кажется, что без этих стихов, без утверждения моей крепнущей веры, без непокорного полицейскому террору чувства собственного достоинства я не мог бы, да, не мог бы выжить».

Арагон был мобилизован с первых дней войны. Большая часть стихов, составивших «Нож в сердце» (опубл. 1941; тираж конфискован), навеяна атмосферой «странной войны», когда правительство вело сражение не у линии Мажино, а на внутреннем фронте. Стихотворение «Сирень и розы» написано после рокового рубежа, в июле, сразу после сдачи Парижа. Оно вошло во все хрестоматии, записано на пластинки, вот уже свыше четверти века звучит с трибун, воскрешая тот трагический момент национального траура, ту боль, которой вскормлен был дух Сопротивления.

Франция оккупирована. Вермахт считает себя хозяином. Официальная пресса поощряет коллаборационизм. Но патриоты заняты поисками новых форм борьбы. На Арагона возложена организация Сопротивления в Южной зоне; он непрерывно меняет место жительства — сначала Перигё и встреча с Леоном Муссиаком, находившимся под надзором полиции; потом Каркасон, переговоры с издателем Галлимаром, Ницца, где выходит патриотический журнал Пьера Сегерса «Поэзия», и, наконец, Авиньон — один из центров литературной жизни Южной зоны. Сборник «Глаза Эльзы» (1942), поэма «Броселианда» (1942) вышли в Швейцарии. Стихи сборника «В Странной стране» публиковались в журналах «Поэзи», «Фонтэн».

В эти первые годы войны родился мощный лирический талант Арагона. Осталось в прошлом наивное стремление противопоставлять народ — нации, «Интернационал» — «Марсельезе». Ныне Арагон воспевает родину — ее просторы, ее традиции. Два гармонично слившихся лирических мотива определяют тональность первых военных книг Арагона — любовь к женщине, любовь к родной земле. Их связывает торжественно звучащая клятва верности — Франции, жене, партии. «Не верю в патриотизм человека, не умеющего любить женщину», — эта дерзкая, неожиданная декларация постоянно в той или иной форме прорывается и в стихах Арагона, и в романе «Орельен», завершенном в 1943 году, и в эпопее «Коммунисты», и в историческом повествовании «Страстная неделя».

Поэтический язык Арагона той поры — это язык аллегорий: оживает символика рыцарской лирики, приближены к современникам легендарные фигуры давнего прошлого. Перед взором читателя — неприкаянный Ричард Львиное Сердце, отважные сыновья Эймона, гордый пленник король Франциск, мужественный Ланселот и героическая Жанна д'Арк. Позднее автор так пояснял смысл своих исторических параллелей: стихи должны отвечать «не исторической конкретности 1096—1099 или 1147—1148 годов, а в первую очередь чувствам людей осени 1940 года».

Арагон умело монтирует факты давнего прошлого со злободневными реалиями, выковывая гибкий язык ассоциаций.

Отныне тем друзьям пою
Кто в мае отдал жизнь свою, —

(Перевод А. Эфрон)

восклидал поэт. Цензор снисходительно пропускал воспоминание о фронтовых друзьях, а ведь в 1942 году, сразу после известий о расправе фашистов с Политцером, Декурром, Соломоном и другими коммунистами, эти стихи воскрешали не май 1940-го, а май 1942 года, звучали клятвой классовой (не просто воинской) солидарности. Рискованно было печатать стихотворение «Говорит Москва» — приветствие героизму советских людей. Хотя название было изменено (первый раз вышло под заглавием — «Поэма лета 1941 года»), намек был предельно прозрачен:

Франция слушает. Льнет август к чаще леса.
И ваша песнь звучит на собственный наш лад.
У вашей нежности такая ж стать и склад.
Франция слушает. О том же говорят
Напевы ваших душ и наша «Марсельеза»!

Но я мужестве друзей магнита притяжение...
Грядущая зима отточит нашу сталь.

(Перевод А. Эфрон)

Поэт мастерски владел аллегорическим языком и все-таки ощущал его недостаточность. В своеобразном поэтическом манифесте «Говорит Эльза» Арагон как бы делится своими сомнениями: не слишком ли изысканны «о рыцарстве рассказы» и «сравнения громовые»? Верный своему убеждению, что от поэзии многое зависит, он захотел опробовать иной тембр стиха, обратиться к тем из своих современников, которые ушли в маки с оружием в руках.

На востоке означилась ясно
Тень победы из волжской пурги,
Тень победы — и дальше ни зги.
Но бояться зари этой красной,
Сбиты с толку, теснятся враги.

(Перевод П. Антокольского)

Эти строки «Прелюдии» могли появиться уже только в подпольной прессе. Конспиративные издательства «Полночь» и «Французская библиотека» выпустили книги «Паноптикум», цикл стихотворений о Габриэле Пери, «Девять запрещенных песен», а также отдельной листовкой стихотворение «Говорит Москва», которое столько раз передавалось подпольными радиостанциями, что многие знали его наизусть. На страницах нелегальных «Юманите», «Леттр Франсез», а также в алжирских и швейцарских журналах, тайно ввозимых во Францию, публиковались строки появившегося сразу после войны сборника «Французская заря». Арагон не ошибся: его «Баллада о том, как поют под пыткой», «Легенда о Габриэле Пери», «Роза и резеда», «Говорит Москва» приближали день освобождения.

Как и «Свободу» или «Предупреждение» Элюара, их переписывали от руки, передавали друзьям, перечитывали у партизанских костров. Поэтическое слово воевало. Одержанная победа была и его победой.

Потом настало время воевать против войны. Вице-президент Международного комитета защиты мира, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1958), кавалер орденов Октябрьской Революции (1972) и Дружбы народов (1977) Арагон по-прежнему уверен, что делу взаимопонимания может и должна помочь поэзия. «Литература и искусство,— говорил он, принимая диплом почетного доктора Московского государственного университета,— не могут отделить себя от самых главных забот человечества, от защиты культуры, защиты мира». Вот почему сборник, отразивший первые предвестия «холодной войны», поэт назвал «Снова нож в сердце» (1948), вот почему о рождении движения сторонников мира им написана книга «Мои караваны» (1954). Перед деятелями культуры вставала труднейшая

задача — пробудить в современнике ответственность за жизнь планеты, научить его отчетливо видеть общность между людьми даже разных политических убеждений, верований, между народами, воспитанными в русле различных национальных традиций.

Отыскивая слова и ритмы, которые бы приковали внимание и тех, «кто пока глух», Арагон снова меняет поэтическую манеру. «Глаза и память» (1954), «Неоконченный роман» (1956), «Эльза» (1959), «Поэты» (1960), «Одержимый Эльзой» (1963) — исповедально-искренние поэмы, в которых автор пытается говорить по душам с каждым, а не только единомышленником. Намечается определенный отказ от лаконизма и прозрачности образа, характерных для поэзии Арагона лет Сопротивления. Тогда он рассказывал о том, что было ясно прочувствовано им самим и читателем; теперь речь идет о психологических процессах, запутанных, не вполне отчетливых порой и для самого автора. Поэт хотел бы стать голосом каждой отдельной человеческой личности, воссоздать все моменты ее становления, постоянно помня о том, что итог — это всегда лишь завершение долгого трудного пути. Протяженность такого пути подчеркнута, например, названиями глав в поэме «Глаза и память» — «Приходят издалека», «Как вода становится чистой».

Самые далекие психологические состояния очень разных по своему мироощущению людей Арагон пытается сделать своими, личными, условно совместить взаимоисключающие начала в едином лирическом образе, чтобы обнажить внутреннюю душевную борьбу, — нота, знаменательная для последних поэтических творений Арагона. Этот замысел вел к поискам сложной композиционной структуры поэм, движение которых не подчиняется ни законам хронологии, ни строгой логике развития мысли.

Главы книг словно ведут между собой спор, предлагают разные концепции, заставляют читателя сравнивать, размышлять. Возникают бесчисленные, рвущие хронологическую нить воспоминания, частые перебои ритма, то бравурно-мажорного, то элегического, то нежно-интимного. Не только логикой образов, но и самим течением стиха выражена тревога индивидуума, сложность обстоятельств и их взаимосвязанность. Так, «Неоконченный роман» являет нашему взору гамму импрессионистических зарисовок, стянутых к организующему их финалу. Детские безмятежные годы, нежные материнские руки, скользящие по клавишам рояля; юность, проведенная в окопах первой мировой войны; сердито сдвинутые брови бастующих шахтеров из Саарбрюккена; дурман богемы в ее дешевой пестрой красе; встреча с Эльзой; плотины Днепрогэса, сверкающие на солнце... Первые впечатления от социалистической действительности переданы очень сложным строем стиха: длинная, почти прозаическая строка венчается твердой риф-

мой, словно гармония на глазах рождается из будничного, словно тут же перед вами из хаоса чувств возникают проблески ясности.

Когда я впервые почувствовал взгляд человеческих глаз?
Когда от слов незнакомца вздрогнул я в первый раз?
Это было как откровенье, как будто добрая весть,
Ощущенье глухого, узнавшего, что в мире музыка есть,
Немого, внезапно понявшего, что слово его звучит.
Тень для меня наполнилась довшенковским светом в ночи.

(Перевод М. Алигер)

Пристальное внимание к незавершенным душевным битвам, к войнам, которые идут и на земном шаре, и «во всех уголках человека», отчетливо ощущается и в поэмах Арагона, и в цикле «Комнаты», и в стихотворном монологе Актера из «Театра/Романа» (1974), где угадано напряжение поиска и борьбы человека с самим собой за все лучшее в себе, трудное движение к высотам духа.

В монологе Актера резко сфокусировано желание автора научить каждого своего современника умению

Быть вечно
Кем-то другим А это скажу вам
Вовсе не просто

(Перевод М. Ваксмахера)

Гораздо проще замкнуться в себе, отвернувшись от всех, быть «бесконечно довольным собой, и только собой, не другими...». Истинная верность себе — это несмолкающий вопрос: *to be or not to be?*¹, постоянные сомнения и новые рубежи, движение вперед.

Вот почему монолог Актера перед обманчивым зеркалом помогает поэту-романисту увидеть лучшее в нем: отвлечение к благополучному обывательскому прозябанию (он как «рифма среди прозаической речи»), непрестанную готовность к выбору («меж одной и другой судьбой»), стремление к нравственной чистоте, воплощенной в моцартовской теме «*Là ci dagem la mapo*»², потребность ощущать рядом другого человека. Если так навязчивы поиски полученного недавно письма, это потому, что волнует его «не столько само письмо, сколько стоящий за ним человек» и, может быть, отгадка грядущего, таящаяся в этом послании. Найти человека, которому ты, возможно, нужен, который ждет твоей помощи, и вместе с ним пройти еще один отрезок своего жизненного пути.

И в поэмах, и в романах последних лет сопоставляются позиции уставшего скептика и несущего людям свет Прометея. Прометей, который совсем не ждет благодарности, напротив, он

¹ Быть или не быть? (*англ.*)

² «Ручку мне дай, красотка» (*ит.*) — ария из оперы Моцарта «Дон Жуан».

предвидит тяжелую расплату «за уверенность, подаренную им человеку», и все-таки идет навстречу гибели с огнем в протянутых людям руках.

В многомерном изображении исторических и личных судеб — вспомним хотя бы скрещение эпох, сопоставление их «голосов» в романе «Страстная неделя» — принцип арагоновского реализма 60—70-х годов. «Реализм — это значит внимательно слушать пульс грандиозного действия, где совсем не всегда соблюдаются три единства...» Сколь ни причудлива игра зеркал, сколь ни призрачны увлекающие автора тени, он просит помнить:

По жизненной мерке кроится моих вымыслов странных
одежка чудная

Только мерку эту художник хочет выточить при максимально полном знании всех условий жизненной «задачи», многообразных сил, вступивших в борьбу или взаимодействие; его не устраивает взгляд «с одной стороны». Он хотел бы посмотреть на каждое явление со всех сторон и еще обязательно из будущего: «Реализм, чтобы отвечать поставленным перед ним требованиям, должен базироваться не на реальности настоящего, а на реальности будущего. Он должен стать реализмом предвидения». Ведь если писатель даже уверен, что просто описывает представшее взору, или художнику кажется, будто он только переносит на полотно краски реальности, — оба неизбежно запечатлеют все по законам своего внутреннего видения мира, «придав предметам *определенный цвет идей*» (подчеркнуто автором). Одна из глав книги Арагона о Матиссе так и названа — «О цвете, вернее, определенном цвете идей». Естественно праздничны, считает Арагон, тона полотен Матисса: «Он рисовал прекрасное... повинуюсь самому себе, той глубокой доброте, что, предвосхищая будущее, знает, где положить светлую краску. Матисс не льстит, он видит красоту. В этом смысле его красота — реальность».

Картины, воссозданные поэмой «Поэты», циклом «Комнаты», что рождался в предчувствии близкой разлуки с Эльзой Триоле, и книгой «Театр/Роман», не столь мажорны, как полотна Матисса. Автор пытается зафиксировать не итог, а процесс и не спешит расставлять четкие акценты: даже при полной уверенности в приближении дня, когда над всеми континентами «в радостном небе зажгутся победы огни», «заранее знать, где добро и где зло, очень трудно бывает порою». Сначала нужно понять сцепление общественных сил, индивидуальных темпераментов, неуправляемых страстей, попробовать представить себе, что твое суждение не обязательно бесспорно, что оно требует ежедневной проверки и коррекции с учетом иных мнений и многочисленных мотивов, по которым «другой» возражает тебе.

вой» и «Поэты». Лирический герой здесь в той или иной мере — поэт, видящий мир, как все, и одновременно не так, как все. Это сознание творящее или стоящее на пороге творчества.

Поэму «Поэты» можно назвать и драмой в стихах (если принять за основу диалогические части — спор богов о свободе, спор молодых поэтов о смысле поэзии), и эпической картиной (повествование о судьбах поэтов, чьим преемником мыслит себя Арагон), и лирической исповедью, поскольку весьма значительна роль авторских монологов («Пролог», «Автор повышает голос», «Слово берет автор»). Лирический герой сразу и Актер, и Конферансье, и Прометей, и каждый из появляющихся по ходу действия поэтов.

В поэме «Одержимый Эльзой» автор сливается с арабским народным певцом, жившим в Испании, времен Реконксты. «Меджунун» — это значит одержимый любовью. Двойник Арагона — Меджунун совершил ради приближения к истине фантастическое путешествие в будущее. И принес с собой «обратно» в Испанию XV века «воспоминание» о Гернике и Хиросиме, светловской «Гренаде» и глазах Эльзы. Воспоминания о будущем — своеобразный аспект объяснения «связи времен» как в арагонской прозе, так и в его поэмах.

Арагон в самих поэмах рассуждает о профессии поэта, собирая воедино наиболее трудные, неокончательно решенные пока эстетические проблемы. Причем противоречивость их он сознательно, как сам пишет, заострил, довел до крайнего выражения противоборствующие тенденции.

Он то настраивается на пессимистический лад («Песня умолкни...» из поэмы «Поэты»), то требует от поэта героического упорства — петь вопреки отчаянию, обращаться к слушателю вопреки сомнениям.

Верь в победу и знай что ты нужен другим и доверье
читай в их глазах...

(Перевод М. Ваксматера)

Поэт, преодолевая боль и усталость, зовет идти вперед. Помнить о тех, что «пальцы живые свои шестеренкам подставили, чтобы хоть немного разладился этот порядок вещей к человеку исполненный злобы». Продолжить их дело, зажечь еще одну маленькую звезду на далеком и «радостном небе» грядущего. Отбросить покорность судьбе.

Долгих шестьдесят лет — с тех пор как взято в руки перо — верен Арагон трудному призванию поэта — «петь, чтоб отступила тень».

Т. Балашова